

Ольга Шаблакова

**МАЛЕНЬКИЙ
ГОРОД**

Поэтический сборник

БРЯНСК

2018

УДК 82 – 1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ш 13

Шаблакова О.А.

Маленький город: Стихи. – Брянск, 2018. – 118с.

В новом поэтическом сборнике брянской поэтессы Ольги Шаблаковой, словно в маленьком городе, есть свои улочки и парки, где можно встретить интересных людей, живущих своей особенной, ни на чью не похожей жизнью, со своими переживаниями, счастливыми и безответными чувствами, осуществлёнными и неосуществлёнными мечтами, впечатлениями от путешествий и воспоминаниями о великом и трагическом прошлом нашей Родины. А где-то на окраине городка – маленький заповедник с краснокнижными животными и растениями...

Маленький город – тот, где моё детство
Крутит педали, катится с ветерком,
Где заразилась вирусом самоедства,
Выйдя пройти по улочке вечером.

Всюду замызганность, ветхость и скука, скука...
Тот же Дзержинский (памятник) на посту.
И, по-соседски, входят ещё без стука
Сплетни поведать, дверь отворив коту.

И во дворах выстояли сараи:
Хлам сохраняют, крепенькие пока.
С крыш детвора съезжает зимой, играя,
В мягкую снежность, будто бы в облака.

Для выживания многие держат дачу.
Есть Дом Культуры, кино-концертный зал.
Люди поют, танцуют, небо рисуют, плачут,
Ездят в столицу, всё говорят в глаза.

Лёгкой монеткой брошен – орёл иль решка –
Каждый его покинувший, сам не рад.
В жизни не будет слаще ему орешка,
Чем на реке выросший ветроград.

Велосипед мчится по закоулкам –
Пятки мелькают, пальцы вцепились в руль.
Сердце колотится, время считая, гулко...
Едет за счастьем детства лихой патруль.

СТАРЫЕ КАЧЕЛИ

Спят дома деревянные в ряд,
Двухэтажки зелёного цвета.
Занавески на окнах пестрят,
И распахнуты форточки в лето.

Дождь прошёл, и блестят провода,
Небо смотрится в частые лужи.
Ловят ветер ветвей невода,
И роняют слезинки жемчужин —

Всё даря, ничего не храня.
Ни к чему красоте казначеи.
...А на детской площадке качели
Не скрипят, позабыли меня.

* * *

Всё кажется, есть ещё время:
Уйду в монастырь, отмлю
Грехов накопившихся бремя,
Смирением мудрость явлю.

В служении Богу и вере
Отрину себя самоё.
И душу открою, как двери
В простое жилище своё.

Но всё-таки трудно проститься
С людьми, столь любимыми мной!
И сердце колотится птицей,
Страдая подспудной виной.

...Когда, как больного хвороба,
Мирская знобит суета,
Стихи сочиняю я, чтобы
Господь не закрыл мне врата.

ПРАВДА

Между сладким «чудесно»
и бьющим наотмашь «ужасно»
Существуют оттенки, но я выступаю пристрастно,
Не скрывая своё отношение к решениям спешным.
Ведь молчание праздно,
и мне оно кажется грешным.

Я сама не святая, но, если представится случай,
Говорю только правду, и, должное выполнив, мучусь.
И когда эта правда, как ветер сквозной, пролетает,
Я жалею о ней, что сидит на коне, как влитая.

Никому не нужны её принципы, стать и поддержка.
Неприятная многим, она не приучена мешкать,
И желающий слышать – услышит её иноходца,
А кому не нужна, на того она не обернётся.

Затаённой обидой горчат вызывающе взгляды.
Я теперь понимаю, как плохо бывает от правды.
Но ни слова назад не верну, потому что иначе
Мне придётся солгать...
А враньё не приносит удачи.

ТОСТ ЗА ДРУЖБУ

Можем редко встречаться, почти не звонить,
Свою вечную занятость в чём-то винить,
Но крепчает с годами, как будто вино,
Наша дружба, как то, что нам свыше дано.

За советом, за помощью, за теплотой,
Поделиться проблемой иль светлой мечтой,
Безоглядно доверить любовь и печаль
Свой кораблик у пристани дружбы причаль.

Это могут быть цифры, и после гудка –
Голоса. И эфир заполняет река,
Где, как рыба в воде, на особой волне,
Наша дружба, звучащая в нас и вовне.

Это могут быть озеро и костерок.
Ароматного чая над кружкой парок.
Или магия звёздного неба в ночи.
Это сердце, что ровно, спокойно стучит.

Оттого, что есть друг. Оттого, что он тут.
Нас забвеньем года никогда не сметут!
Перед этой бедой мы стоим, как стена.
Вот и тост: за сплочённую дружбу – до дна!

ВЫХОДНЫЕ В МОСКВЕ

Измайлово. «Бета». Этаж – двадцать пятый.
Москва зажигает ночные огни,
Как будто камней драгоценных богатый
Сундук открывает, сверкают они.

Спускаемся вниз. В вестибюле китайцы –
С коробками. Что-то щебечут своё.
Поедем с обзорною, что ли, кататься?
Не все ли равно, где болтаться вдвоём!

Пока отдыхают гудящие ноги,
И думать не хочет совсем голова,
Посмотрим с тобой на фасады с дороги,
Послушаем гида, вникая едва.

...А утро предстанет унылым и скучным –
Окраина, крыши близняшками в ряд.
На завтрак по-шведски стекается кучно
Народ, на чужих языках говоря.

Но всё-таки есть и в реальности сказка:
Лубочной картинкой – Измайловский Кремль.
На трон заберёмся, с манерою царской
Осмотрим туристок забавный гарем.

Во всём разноцветье, резном кружевничье
Стоят деревянные чудо-дворцы.
Под томное тихое пение птичье
Стучат молотками, смеясь, кузнецы.

Немного подальше – Измайловский рынок.
Так вот куда бабушкин вывезен скарб!
Потёртые лики иконок старинных,
И всё, чем хвалился прадедовский шкаф:

Посуды серебряной, вилок и ложек,
Фигурок фарфоровых, с боем часов –
Попадало в зевы разбитых окошек!
В покинутом доме не держит засов...

И как-то печально для нас узнавание
Таких позабытых родных мелочей.
Вглядись, оживают бывшие преданья
В кольчугах и в шлемах, и в блеске мечей.

В монетах, в таких дорогих безделушках,
В старинных буфетах из красных дерев.
А рядом с тряпьем безнадёжным старушка –
Глядит, улыбаясь, мадамою трэф.

Художники. К ним – на картины – атака:
Все ходят, и смотрят, хваля и браня...
Спокойная, спит возле будки собака.
Ей ночью здесь бегать и всё охранять.

А мы в свой спартанский уют, на кровати
Вернёмся. Горячего кофе нальём.
Достанем пирожных и пряников сладких,
И впустим весь мир в наш оконный проём.

Апельсиновой долькой – манящий и дерзкий –
За окном убывающий месяц завис.
Телевизор ворчит на салаты, нарезки,
Недоеденный торт и сползающий плис

На диване, где кошка, скрестившая лапы,
Госпожой улеглась, по-хозяйски глядит.
Стоит выйти на кухню – немедленно на пол –
Показать свою миску. Смешной троглодит!

Как легко угадать мне, чего она хочет!
Прозвучит запоздало довольное «мяв».
Заработает громко картавый моторчик,
Лишь коснусь её, мягкую шёрстку примяв.

...Разошлись мои гости к рабочей неделе.
Юбиляр от спиртного в отключке давно.
Только месяц оранжевый движется еле.
Нереальный! А впрочем, и жизнь, как кино.

В этот вечер цветасто украшены стены
В виноградные гроздья шаров надувных,
В фотографии, где так видны перемены
В наших лицах серьёзных, в глазах озорных.

...Светит спутник Земли немигающей фарой.
Холодильник забит, а посуда чиста.
Вкус арбуза подходит к комедии старой.
Дом расслаблен и тих, словно снятый с креста.

В ТРУБЧЕВСК

В Трубчевск – по российским просторам,
Сплошной вереницей машин,
Оставив свой пыльный и пасмурный город,
На праздник Бояна спешим.

Леса и луга зеленеют,
Желтеет сурепкой межа.
И вьётся речушка... Играя, над нею
Два аиста в небе кружат.

В их гнёздах – лохматые шапки! –
Стоят вдоль дороги столбы.
Пасутся в деревне свободно лошадки.
Молчат вековые дубы.

Глядим мы в открытые дали
С распахнутой чистой душой.
Коснулось нас облако серой вуали,
Невидимый дождик прошёл.

И солнце опять засветило!
Но греет куда горячей
Славянского братства великая сила,
Понятность и близость речей.

В провинции древней и милой,
Где души богаче, чем быт,
Нас вместе поэзия соединила,
И птицей над миром летит.

* * *

Вдали горят огни материка –
Огромный город вздыбил зданий соты.
А в море – полуострова рука,
И плеск воды, и ветерок эскортом.

Неблизкий путь забрызгало волной,
И ни одной машины на брусчатке,
Как будто этот сон лишь мне одной
Зачем-то предназначен – кроткий, краткий.

Тут есть дома, но кукольно малы.
В них ни души, я это точно знаю.
Друг к другу жмутся – сказочны, милы,
В них можно обитать... Но здесь одна я.

И ни тревоги, ни унынья нет.
Лишь благодное мира созерцанье.
И долгое движение на свет,
И огоньков бесчисленных мерцанье...

* * *

«Тайный советник фон Гёте» не спит по ночам –
Горькую пьёт, и уже не мечтает о славе:
В изнеможении мыслями в рифму строча,
Он лишь рисует себя и других, не лукавя.

Новый сценарий готов, но осталось чуть-чуть –
Самая соль, та, что с перцем и хреном, но, право,
Рыбой из рук ускользает болящая суть –
Автор смеётся, стакан наполняя отравой.

Что в этих образах людям чужим? – Ерунда!
Им и в своих-то прибраться нет времени вовсе.
Вот календарь, и на счётчике, правда: среда –
Август, неделя последняя, близится осень...

НА УЛИЦЕ ДЕТСТВА

Убегаю, спасая себя от цейтнота,
По аллее из лиственниц до поворота.
И на улице детства так ёкает сердце!
Потому что, внимательней если взглядеться,
То окажется: дом – тот, которого нет, –
Там стоит, как и прежде, любовью согрет.

Как и прежде, меня дожидается мама.
Между мной и соседским парнишкою – «драма»:
Тот роман до конца ещё мной не прочитан,
Потому что сидит на крыльце и молчит он.
Чёрный кот у порога встречает, мурча.
И про это про всё я пишу по ночам.

...Обо всём я теперь вспоминаю по строчкам,
По смешным многоточиям, вставшим так прочно,
Что смотрю через них, как в открытые двери!
Только он в этих точках, лишённый доверья –
Обаятельный бабник в свои восемнадцать.
Мне четырнадцать. Хочется плакать и драться.

Не любовь.
Как полено в печи прогорело,
И золою рассыпалось по полу белой.
Остывают остатки, бегу без оглядки.
Попадают в силки его рук мои прядки,
И в объятия губ – неумелые губы.
Слишком самонадеян, упрямый и глупый!

Электричка до Горького нас уносила...
Он спросил: ты дождёшься? Глаза опустила.
Проводила, жалея. Быть может, так надо?
Иногда во спасенье бывает и правда.
...Дом на улице детства едва различим.
Но опять мы приходим туда и молчим.

НА ПИТЕРКОЙ КРЫШЕ

Мы снова рифмуем любовь и февраль,
Чтоб на день весна стала ближе.
Безумный романтик, безудержный враль
Со мною на Питерской крыше.

И чем он так дорог, не знаю сама.
Но всякую чушь приплетая,
Он смотрит с небес на дворы и дома
Драконом Инлун из Китая.

Плывает во рту ароматный глинтвейн.
Смеясь, предлагает ириски
Мальчишка из книжки под брэндом «Марк Твен»,
Хоть город и не Миссурийский.

Зато он не выдуман – вот он, живьём:
Вид сверху культурной столицы.
Мы, кажется, в детство вернулись вдвоём –
Такие счастливые лица!

В РУССКОМ МУЗЕЕ

Белело кружевное полотно,
Сплетённое искусницей на счастье.
Изящные узоры вновь и вновь,
Объединяя, оплетали части.
Кружились в нежном танце журавли,
И голуби на ветке целовались.
И множество цветов со всей земли
На белоснежном поле распускались.

И оторопь брала с таких чудес,
Шептали губы: как это возможно:
На неподвижный молчаливый лес
Снежинки опускались осторожно;
За зайцем кралась хитрая лиса,
А за лисой охотник шёл с собакой;
У самовара девица-краса
Пила из чашки чай с баранкой сладкой.

И высились резные терема,
Все в куполах, как в луковках на грядке.
В упряжке кони. Кучер задремал.
Он не спешит, и значит, всё в порядке.
...Мир выдуман, но очарован сном.
И сам ты принимаешь в нём участие.
Хоть это – кружевное полотно,
Сплетённое искусницей на счастье.

ДВА ВЗГЛЯДА НА «ТАНЕЦ» МАТИССА

Есть загадка в картине Матисса –
Странной пляске людей на горе,
Что кружатся, спокойны и быстры,
И подвластны беспечной игре,
Словно души в извечном стремленье
К отречению от суетных дел.
Мне казалось, звенит вдохновенье
В наготе грубо слепленных тел.

Но, подвергнув картину гонению,
Вся семья убеждала меня,
Что не светом полна она – тенью,
Что в картине не видно огня,
Что сокрыты и взгляды, и лица,
В хороводе разорван их круг –
Вовсе нечему им веселиться,
И никто здесь друг другу не друг.

Есть резон в рассуждениях спорных...
Но, вбирая в себя даль и близь,
Женских тел искажённые формы
От движений костром занялись!
...До сих пор я не знаю ответа,
Что за тайну хранит полотно.
И вздыхаю: всего-то три цвета,
Только три, а пьянят, как вино.

* * *

Обнял плечи поздний вечер,
Разогнал шальные сны.
Разговор ведя о вечном,
Мы гуляем вдоль Десны.

Берег высится немножко,
Весь деревьями одет.
Извивается дорожка
И спускается к воде.

Ветер гладит отраженье
Тёмных с проседью небес.
Но вторгается движенье,
По воде ведя разрез.

То, вниманье привлекая,
Как заправский метеор,
В лунных лучиках мелькая,
По реке плывёт бобёр.

Мы глядим, глазам не веря,
Обсуждая и смеясь.
Мы так рады видеть зверя,
Что ногами влезли в грязь.

Ну а он, хоть путь намечен,
Улепётывает прочь,

Как и мой приятель вечер,
Испугавшись маму-ночь.

Я... теперь в её объятьях.
И понятно мне самой:
Погуляла, вот и хватит,
И пора идти домой.

С тёплой кошкою в соседстве
Сон в клубок сознание вьёт ...
Ночь сидит со мной, как в детстве,
Колыбельную поёт.

В БРЯНСКОМ ПАРКЕ

В Брянском парке празднично и людно.
Каждый остов дерева – спасён.
Мастерами-резчиками чудно
Новый образ в дар преподнесён.

Вот стоит – задумался Емеля,
Как ловчее с щукой поступить.
И зовёт красавиц песня Леля
Пылко и восторженно любить.

Водяной затеял плясовую,
И русалка в танце извилась.
На свою зазнобу вихревую
Радуется он – не сводит глаз.

Вдруг пошла кикимора вприсядку,
Чтоб к себе внимание привлечь.
И усердно подгибает пятку,
И волною – танец рук и плеч.

...Ближе к ночи в парке тихо, сонно.
Лишь глядит сурово Пересвет.
Да сияет Брянская Мадонна,
Излучая материнский свет.

Статная Деснянка близ Толстого,
И Козьма Прутков, и князь Роман.
...Гордое наследие былого –
Сказка, к нам шагнувшая сама!

ДЕНЬ ГОРОДА

День города. В пёстрой и шумной толпе
Легко затеряться.
И я прижимаюсь, хоть локтем, к тебе,
Пугаясь паяца.

Сарказма не прячет седой пилигрим,
Перстом указуя
Туда, где детишкам кладут аквагрим,
На лицах рисуя.

Смеёшься и тянешь, и тянешь меня,
Как будто ребёнка,
На звуки мелодий и ржанье коня –
Сторонкой, сторонкой –

Оттуда, где вместе, в параде цветов –
Медведик и гномик,
Корабль с парусами к походу готов,
И выстроен домик.

Туда, где рядами стоят мастера
На разные руки.
Туда, где смешались и жизнь, и игра,
Любовь и науки.

С девчушкой гончар над кувшином сидит.
Рисует художник.
Кузнец за порядком спокойно следит.
И капает дождик.

Но только немного, чтоб не помешать,
И праздник не портить.
Не ведая, чем удивить горожан,
Их пробуют в спорте.

Монетки, шкатулки, игрушек парад,
Шары... И на шару –
На пробу – колбаски порезаны в ряд.
А рядом – от жару –

Румянясь, дымятся вовсю шашлыки,
И чай ароматен.
У тигров воздушных повисли клыки,
И вид их занятен.

С гигантскими куклами – мультидрузья! –
Привал на скамейке.
Но холодно так, что остаться нельзя.
Ты тянешь, и мельком

Ещё успеваю на ковку глазеть,
И трогать жар-птицу...
И тёплой прощальной улыбкой висеть
На радостных лицах.

Свой путь продолжает людская река
Под времени ветер.
И, как исполин, надо всеми Курган –
Во имя Бессмертья.

НЕПОСЕДА

Лето, что, как не ты, непоседе в подмогу?
Как ни бейся, нельзя переделать всех дел.
Но зато так немного мне надо в дорогу,
Чтоб спонтанно исчезнуть в ночной темноте!

И ворчи – не ворчи на меня – бесполезно.
Тут уж, если втемяшилось, просто беда.
И дорогой железной, иль даже небесной,
Для меня ускользнуть на три дня – ерунда.

Потому – по асфальтовой. Вместе так вместе!
Поучительным тоном врезаясь в мозги,
За пятьсот километров иль тысячу двести
Мой мужчина со мной совершает броски.

Он привык. Он ругает меня и смеётся.
Что ещё остаётся, коль выбор жесток?
Мчит машина в лучах восходящего солнца
Нас на запад, на север, на юг, на восток...

СТАРАЯ ПОДРУГА

На ночь глядя, заглянула снова
Старая подруга поболтать.
У меня для встречи всё готово.
В доме – тишина и благодать.

В кофе капну брянского бальзама,
Тоненько нарежу «Маасдам».
А она мне выплачет о самом
Горьком... потаённом, что уж там!

Друг от друга нет у нас секретов.
Можем до рассвета с ней сидеть.
Комкать философию до бреда,
Из больного делая комедь.

Можем почитать спокойно вместе.
А соображенье не ахти –
Запечём от скуки рыбу в тесте,
Чтоб, устав изрядно, спать пойти.

Хорошо хоть, редкий гость подруга.
Отпущу, в нахальстве не вина.
... А на утро жалуясь, хитрюга:
Мучила бессонница меня.

МАЙОРКА

В Sala Vinas обед запивают вином,
На деревьях растёт земляника.
И лежит под водой бирюзовое дно
Черепашкою в солнечных бликах.

Виноградная бухта полна голосов
Умиляющих, тоненько-детских,
Отвечающих радостно маме на зов
По-английски, испански, немецки.

А мальчишки постарше ныряют с камней.
Море пенится, их извергая.
И сидит на скале, возвышаясь над ней,
Полунимфа, по пояс нагая.

Осьминожек, всем телом лодыжку обняв,
Улепётывать вынужден, кроха.
Он такого скандала не ждал от меня,
Пошутить со мной вздумал, пройдоха!

Рыбья мелочь шныряет в тепле на мели
Среди голеней супермоделей.
Заплывают порою в залив корабли –
В окруженье людей и отелей,

А в лесу, оглушая, цикады звенят,
Среди высохшей хвои – алоэ,
В небо тянутся сосны, друг друга тесня,
В бесконечное и голубое.

Благовоние ладана мощной волной
Южным ветром доносит из рая.
Ароматы пьянят и летят надо мной,
Обжигаяще ярко играя.

Побережье в коттеджах и шляпках зонтов –
Камышовых, с торчащею прядкой.
Возвышаются кактусы разных сортов,
Словно наши нарциссы на грядках.

Здесь рядами, как стражники, пальмы стоят.
И спокойно кристальное море.
И сияет безудержно солнца маяк
Для туристов на дивном Майоре.

* * *

У одной – уехал сын в Израиль,
У другой – в Америке давно.
Показалась заграница раем?
Хорошо, а где – не всё ль равно?

Беглые сограждане России,
Зёрна, откатившиеся прочь,
Дай вам бог в чужой землице силы
Беды и преграды превозмочь.

Люди там и те же, и другие.
Но как в сердце счастье не лелей,
Всё ж порой накатит ностальгия
Памятью о родине своей.

* * *

Шла женщина с тяжёлыми глазами,
Налитыми слезами, и юдолью,
Невыплаканной перед образами —
С неразделённой, затворённой болью.

Она прошла, но шлейф её печали
Тянулся вслед, цеплялся за прохожих.
Казалось мне, глаза её кричали
О помощи, не подпуская всё же.

За ней стелились серые туманы,
Всё неудобней делалось на свете.
И почему-то не казалось странным,
Что плакали, её жалея, дети.

И стал пудовым лёгкий крест нательный,
Сочувствие невысказанно билось.
И, голову склонив пред «Семистрельной»,
Я о спасенье страждущих молилась.

* * *

Волос сед и голос груб,
а душа нежна, как прежде.
От касанья тёплых рук
кошкой муркать, веки смежив.
Внешность – это для глупца,
страсть и юность преходящи.
Сочетаются сердца
ярче, трепетней и слаще:
Среди радостей и бед
мы живём судьбой одною
Много разных зим и лет –
я – с тобою, ты – со мною.

* * *

Лыжня пересекала березняк,
Вдоль вырубki вела дорогой старой.
А наст осел, осунулся, размяк,
В нём утопала лыжных палок пара.

От любопытства лыжные носы
Высовывались, ехали неровно,
На заячьих следов густую сыпь
Заглядывались, на лесные кроны.

Стучал морзянкой дятел по сосне,
Взлетал огромный ворон из-под ели,
И лапками лиса строчила снег,
И, весело скользя, полозья пели.

ЗАЩИТНИК

Защитник – тот, кто защитит,
Не тот, что за щитом.
Его зовёшь, и он летит –
Сейчас же, не потом.

Летит стремглав, хоть крыльев нет,
Готовый сразу в бой.
Ещё за ним дымится след,
А он перед тобой.

И не страшны ни холода,
Ни беды, ни враги,
Когда ты знаешь: навсегда
Он дан тебе таким.

...Но чтобы не свести с ума
Защитника того,
Ты там, где справишься сама,
Не станешь звать его!

МОЙ ДЯДЯ

Ивану Яковлевичу Енину

Прошёл танкистом дядя всю войну,
Но не любил рассказывать об этом.
Когда бы в гости он не заглянул,
Глаза его всегда лучились светом.

Чинил он в мирной жизни сапоги,
И валенки умел валять отлично.
И как, пройдя сквозь пекло, не погиб,
Не говорил, заслуг не видя личных.

Медали на парад лишь надевал.
И вспоминал погибших за Победу,
Как будто те ушли за перевал,
И скоро он догонит их по следу.

Война порою снилась... Он кричал.
Не в силах встать, метался на постели.
Но не любил ходить он по врачам,
И не болел почти на самом деле.

До старости трудился для людей,
Служили верно золотые руки.
Он столько сшил обувки для детей,
Что до сих пор донашивают внуки.

ВЕРХНИЙ СУДОК

Речка давно превратилась в ручей.
Крепко бетонной трубой окольцован,
Он сохраняет характер бойцовый
В тихом течении дней и ночей.

Тайны хранит молчаливый поток.
Холм огибает, вихляет боками.
Жизнь наблюдая в низине веками,
Прячется в зарослях Верхний Судок.

Вьётся по днищу оврага змеёй,
Ищет ушедшую силу, свободу,
Кружит в препятствиях светлую воду,
Серого неба накрыт кисеёй.

...Через овраг, в магазин, напрямик,
Мерно качая пустую авоську,
Мимо посаженных маленьких сосен,
Двигается медленно ветхий старик.

Старый, ещё не заброшенный дом,
Виден за ржавым железом забора.
Рыжая псина дрожит, словно морок,
И благодушно виляет хвостом.

Выше, где солнце горит, как маяк,
Косо вершину оврага затронув,
Дружно, топыря карманы балконов,
Плотной толпой великаны стоят.

ТРУБЧЕВСКИЙ ПАРК

И когда в тихом парке старинном

Тронет чуткие струны Боян...

(С.П. Кузькин)

Занял парк стратегический пост на горе –
Богатырь в ожиданье баталий –
Чтоб, любуясь, веками дозорным смотреть
С высоты на зелёные дали:
На луга в паутинках сверкающих рек,
Словно вышитых ниткой лазурной.
Он спокойно и важно опёрся о брег,
Отрешился от жизни сумбурной.

...Память предков храня, посещает народ
Исторический центр, городище.
Под собором – князей Трубецких древний род,
Преподобного Нила жилище.
На разрушенных в давних столетьях церквях
Храм стоит Свято-Троицкий светел.
И рассеянным Ванькой гуляет в ветвях
Заблудившийся времени ветер.

Вековые деревья окутаны сном.
Дремлют предки, любовью согреты...
Я прошу, богатырь на горе, об одном:
Чтобы мирными были рассветы,
Чтобы мирными были и ночи, и дни;
Не оружие сверкало угрозой,
А зеркала озёр; всех вояк прогони,
Пусть испуганно ноги уносят!

А на праздник, когда соберёшь ты гостей,
 И наполнишься музыкой, смехом,
Над тропинкой, ведущей до храмовых стен,
 Разговоры рассыплется эхом;
Кто-то спустится вниз, и прильнёт к роднику,
 Чтоб умыться водою святою;
Ты припомнишь людей, что видал на веку –
 Много знаешь ты тайн и историй!

Всех пришедших встречает былинный Боян –
 Древнерусский сказитель, из бронзы.
Пел он славу великим и храбрым в боях –
 И князьям, и дружинникам-россам.
Средь высоких деревьев сидит он в тени,
 Пальцы трогают струны на гусях,
Миг, другой – и вот-вот заиграют они,
 Вторая старцу, и в прошлое впустят

МАТЬ СОЛДАТА

По новелле Н. Ф. Иванова

«Золотистый золотой»

Бородатый главарь ткнул стволом автомата в горы:
— Слышал... там тот солдат,
отказавшийся крестик снять.
Потерял он за это и голову. Жаль, но скоро
И сама ты погибнешь: здесь минное поле, мать.

Но пошла по траве она, меж проводков ступая,
Средь желтеющих косточек... похоронить бы вот...
Да вела к своему несмышлёньшу боль тупая,
И качался над нею обугленный небосвод.

Ей смотрели вослед, ожидая, когда под грохот,
Фейерверк от снарядов закончится жизнь её.
Все же видели, как безрассудна она, как плохо
Разбирает происходящее, вся в своём.

Может, ангелы крыльями под ноги ей стелились,
Извиняясь за сына, которого не спасли?
Только боевики, наблюдая в прицел, дивились,
Как по полю с фугасами ноги её несли.

Был готов уже снайпер догнать её пулей в спину,
Да толкнул бородач, обозлившись, рукою ствол.
И исчезла за травами мать, пробираясь к сыну,
Что и был на войне—то лишь день,
да пленённым — пол(...)

Как она разыскала его? Как ногтями рыла
Каменистую почву, чтоб тело его убрать?!
Золотистую голову рядышком положила.
И лишь только тогда от бессилья забылась мать.

Силуэты мерещились чёрные. Приходили?
Усмехалась сквозь сон, довольная: собран сын.
Аккуратно, под холмиком, в свежей лежит могиле.
И опять забывалась, все дни были – день один.

А поздней к пограничникам вышла
седой старушкой.
Вся одежда лохмотьями, содраны ногти в кровь.
Уходить отказалась: «Здесь сын мой,
мне с ним быть нужно!»
И когда ей поверили – всех потрясла любовь.

Мать солдата!

Пред нею встал полк
на одно колено,
Чтоб в молчании скорбном
поклон передать бойцу.
Стала мать выше всех –
стала матерью всей вселенной,
И скатилась скупая слеза по её лицу...

СТАРИК МОЛИЛСЯ В ЦЕРКВИ...

Старик молился в церкви. Бился лбом.
Просил усердно, преклонив колени.
Шла служба. Перед Божиим Рабом
Горели свечи. Вдрагивали тени.

А он ушёл в себя. Он был не здесь.
К Отцу и Сыну и Святому Духу
Он всей душой взывал. О чём – Бог весть,
Поскольку недоступно это слуху.

Так искренне он каялся в вине,
Иль умолял избавить от напасти,
Что отчего-то стыдно было мне
За тихое безоблачное счастье.

ПЕЛЬМЕНИ

Мне только пять, и я несу пельмени
Из магазина в доме за углом.
Вокруг сладчайший аромат сирени.
А во дворе две бабки за столом.

Они зовут меня – руками машут.
А нас учили старших уважать.
Я знаю их, они соседки наши.
И подхожу, хоть хочется сбежать.

Они сперва меня, конечно, хвалят –
За то, что мамин выполнил наказ.
И очень тихо просит баба Валя:
– Ты добрый мальчик, угости-ка нас!

А мне не жаль, и вот, без долгих прений,
Желаньем одобрения томим,
Я простодушно достаю пельмени,
И рву пакет, и сыплю в горсти им.

И те грызут, вздыхая: жестковаты.
Но говорят: рука твоя легка!
Я этой благодарностью богатый,
Всей каверзы не ведаю пока.

Бывает так: в стремленье посмеяться
И сам шутник похож на дурака.
А я смущённо счастлив – до багрянца,
И до сих пор легка моя рука.

МАЛЕНЬКИЕ ПОМОЩНИКИ

Помощь помощи – рознь.
От помощников нет мне отбоя!
Только слишком малы,
и хлопот с ними больше, чем дел.
Я учу их дружить, чтоб не ссорились между собою,
И нужно мне терпение в этом нелёгком труде.

Здесь их маленький остров,
где можно забыть про уроки,
Где простая работа в новинку, ещё не скучна.
Ну и что, что шалят, что порою стоят руки в боки,
Дуют губы и клянчат, и стала мечтой тишина...

Если им интересно, и, главное, есть чем заняться,
Постепенно взрослея, и чувствуя важность свою,
Пусть мешаются! Пусть я порою от них устаю,
Я от помощи их никогда не смогу отказаться.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЛИС

На озере в Брянске (каком – это тайна)
Замечен не раз был загадочный лис.
Чудным провидением явлен случайно,
Он к людям выходит и крутится близ.

Ему, удивляясь, кидают печенье,
Бросают сосиску и хлеба кусок.
А после заката порою вечерней
Он с берега тащит забытый носок.

И, спрятав запасы, к воде выбегает,
На пляже пустынном сидит одинок.
Следит, как луна отражённо сверкает,
И чёрный жучок пробегает у ног.

Мне кажется, лис был когда-то поэтом.
Грустит он задумчиво, как человек,
О чём-то неведомом, им недопетом,
О чём-то далёком, забытом навек...

* * *

Спросить бы, какую ты болен любовью —
Не той ли, что деть себя некуда вдруг:
Последней надеждой, последнею новью
В движениях плеч и в касаниях рук?

Не той ли, когда вдруг становишься бледным,
Когда подозрения вечно гнетут?
И вы скреплены поцелуем заветным,
И взглядов не важен докучливый суд?

Не той ли, с которою можно смеяться,
И глупости всякие вслух говорить,
Любуясь, как вдруг загорятся румянцем
Округлые щёки, её бунтари.

Когда это так, и любовь не от скуки,
Не та, чтоб в итоге не быть одному,
Размолвкою с ней не наиграны муки,
Не ревности жало (нужна самому),

Спеши отдаваться душою и телом —
Болей, как цветеньем болеет весна.
Никто ничего не сумеет поделать
С любовью — и этим прекрасна она!

УХОДЯ — УХОДИ

Уходя – уходи:
Возвращаться плохая привычка.
Надоевший мотив,
Повторяясь, саднит в голове.
Обернёшься – и жизнь
Обжигает горящею спичкой.
Обернёшься – держись,
Чтоб со мной не остаться навек.

Я не буду глядеть
Вслед тебе, чтоб забыть поскорее,
Как в ночной темноте,
Где лишь тучи теснились вокруг,
Как Орифия, я
Возносила с крылатым Бореем,
Восхищенье тая
От могущества любящих рук.

– Позабудь навсегда, –
Мне шептала пунцовая Эос, –
Он захочет летать,
Не привяжешь, как шарик, на нить.
...Расшалились ветра,
И опять всё вокруг завертелось.
Значит, правда – пора.
Мне тебя не дано изменить.

* * *

На побережье смоем след волна,
Песком в пустыне ветер след задует.
Где мы прошли, тропинка не видна.
Усвоим эту истину простую.

Ничто не бесконечно. Вечность – миг,
Не оттого ль живем сиюминутно?
Едва родился, ты уже старик,
Едва узнал, уже и помнишь смутно.

И смерть – опять начало всех начал,
Рожденье в мир иной, в ином пределе.
Но вот опять ребенок закричал –
То страх души, пленённой в брэнном теле.

* * *

Что ей не спится бешеной,
Вот ведь какая блажь:
Ноги наружу свешены,
Двадцать второй этаж.

Шепчет стихи неясные,
Влажно глаза блестят.
И говорить напрасно ей,
Что у друзей в гостях.

Скажет: ну что тут страшного,
Лишь небосвод рябой!
И бесполезно спрашивать,
Что за игра с судьбой.

Спрыгнув, предложит с вызовом:
— Будем тарелки бить!
Чорта объездит лысого,
Лишь бы печаль убить.

Из пластилина рожу ей
Радостную слеплю.
Дерзкую, безнадёжную,
Взбалмошную – люблю.

ЛЕСНАЯ ДЕЛЯНКА

Когда-то здесь росли боровики,
Краснели подосиновиков шляпки.
Теперь у нас пустые кузовки —
Кругом трава, да кустиков охапки.

И там, где уходило полчаса,
Пяти минут хватило нам с избытком —
Дойти, и лишь затылок почесать
Над нанесённым грибникам убытком.

На сваленной берёзе посидеть,
И повздыхать раздолью среди леса,
И жизни, что пустилась в разноцветь
В том месте, где смыкались ветви тесно,

Где больше нет ни сосен, ни дубов.
Все семена пустили дружно корни.
Торчат пеньки, как остовы зубов.
Хозяин свергнут, ну а что до дворни —

Она гуляет. Где уж тут грибам!
Но отчего-то жаль не их, а леса,
Да ненависть бессильная к жлобам
За глупость, меркантильность интереса.

ПОД ЧЁРНЫМ МОСТОМ

Берёза, речного теченья касаясь,
Полощет листочки в прозрачной воде.
Стоит у воды, как девчонка босая,
Не ведая и не скорбя о беде.

Река отражает небесную просинь
И тайны чужие надёжно хранит.
...Не деревце свесило длинные косы –
Русалка к себе ворожбою манит.

Под Чёрным мостом неприкаянным душам,
Однажды в безумье сорвавшимся вниз,
Томительно, больно, их облик недужен,
Но, зову послушны, все здесь собрались.

Не ждите, они не подскажут решенье.
Им вечно своё наказание нести.
И тщетно тому здесь искать утешенье,
Кто с болью отчаянье в сердце впустил.

ПОВЗРОСЛЕЛА ВЕСНА

Снова в мартовский день
ты поздравить меня прикатил
На шикарном авто
цвета сочной созревшей черешни.
В ресторане зарплату за месяц со мной прокутил,
И в ответ ничего не потребовал...
Сдержанно внешне,

Словно должное, я приняла угощенья, дары,
Твои нежные взгляды, твои романтические речи.
Будто это является частью весёлой игры,
И расстались мы ради такой замечательной встречи.

Полетели недели, свидания по выходным.
Таял снег, пробивалась трава; холодало, теплело.
С яблонь цвет опадал... Ты мои оккупировал сны,
И надеждой дразнил... Но тебя удержать не умела.

Не спеши по делам неотложным умчаться скорей!
Ведь листва распустилась, и парк за окном зеленеет.
Повзрослела весна, и как будто бы стала мудрей.
Что же наша любовь от количества лет не умнеет?

* * *

Однажды душа, словно птица,
вспорхнёт из скворечника,
И вдруг улетит – далеко-далеко в небеса.
Какие пути её ждут – неоглядные, млечные,
Ещё ни один астроном не сумел предсказать.

А здесь, на Земле – испытание за испытанием.
Кому-то – богатством и славой, кому – нищетой,
Войной и предательством,
голодом, болью, заклятием.
Что станет для каждой из душ Ахиллеса пятой?

Мы чувствуем сердцем, откуда исходит сияние.
Слова, как и руки, нужны только здесь и сейчас.
Кто знает, когда нам с тобой
предстоит расставание?
Давай же друг друга беречь –
каждый день, каждый час.

А СЕРДЦЕ ВСЁ ГЛУШЕ...

*И как же так, что я все реже
Волнуюсь, плачу и люблю?
(Николай Рубцов)*

В Тайланде – в музее,
А в Йеменской Сане – в мечети,
Во время молитвы.
Ухмылка чудовищна смерти.
«Шарли» и «Норд-Ост», и Бесланская средняя школа.
Трансляция ужаса вместо кино и футбола.
В трагическом шоу в торговые центры Нью-Йорка
Врезаются лайнеры. Око у камеры зорко.
И мы, возмущённые, вновь головами качаем,
Выходим с плакатами, скорбно пылаем свечами...
А сердце – всё глуше, как будто спасаясь от боли –
Стучит. И – нам кажется – кем-то играютя роли.
И можно, немного поплавав, уйти из театра.
Чтоб, выспавшись дома, заняться работой завтра.
И так – каждый месяц: крушения, войны, теракты.
Никто и не спросит у зрителя. Голые факты.
И к ним – комментарии. Ужасы входят в привычку.
Я плачу всё реже. Как можно любить «обезличку»?
Сочувствовать – да.
Невозможно за всех волноваться.
Но вот – крупный план. И от боли нельзя отвязаться.
И горе – безмерно! Чужое, далёкое горе...
Оно – повсеместно, но это – сегодня в фаворе.
...И, ставя защиту, я прячусь в английское party –
В заботы попроще, чтоб попусту нервы не тратить.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Аллеи можжевелевая грусть –
С ночными фонарями и прохладой.
И я одна, вальсируя, кружусь.
Никто меня не видит, и не надо.

С последней электрички, не спеша,
Я возвращаюсь с первой победой.
В моём пакете корочки лежат –
С печатью – курс окончен, скоро лето.

В руках цветы, воздушные шары...
Меня пока всерьёз не принимают.
Я взрослой жизни правила игры
Не ведаю ещё, но слава маю

И юности, уверенной в себе,
Танцующей, счастливой, без заботы,
Так многое желающей успеть,
Готовой и учиться, и работать.

СТИХИ ЕСЕНИНА

Размашисто и уверенно,
Как будто своё вчера,
Читать нараспев Есенина
У гаснущего костра.
На фоне янтарных сумерек,
У синей речной воды,
В берёз белоствольность зуммером
Бросая слова сквозь дым.

Затихшие, ошарашенно,
Глядите во все глаза:
Ну что он кричит, безбашенный,
О чём он хотел сказать?
Задиристо, хулиганисто
Плюёт равнодушьем в пасть.
Понять его – словом пьяной стать,
В стихию стихов упасть –

Где, строчка за строчкой, грудится
Поэта шальная страсть,
Где сердце разладом студится,
Где горло сжимает власть.
В торжественном марше с лучшими –
Распятыми на крестах –
Над молодостью задушенной,
Посмертно бессмертным став.

Врезается в нас – светящийся,
Смеющийся: вот он – я,
В поэзии выдающийся,
Никчёмный для бытия.
Для женщин – мученье сущее.
Но как же, друзья, без них?
И что-то толкнёт зовущее
Попробовать терпкий стих.

И вновь у костра грядущего,
В дурмане цветущих лип –
Стихи его раздающая,
Рифмующая – то всхлип,
То горькое обвинение,
То искреннее «прости»,
Я буду болеть Есениным,
И вам его свет нести.

Размашисто и уверенно,
Как будто своё вчера...

В.Д. ДИНАБУРСКОМУ

В такую дату – девяносто пять! –
Почтенную, завидную, с пятёркой,
Поздравить поэтическая рать
Взбирается по Фокина к Вам в горку.

Вы на горе и в жизни, и в стихах.
Войну прошедший в звании солдата,
В музей скульптур Вы превратили парк,
Цена любовь людей превыше злата.

И до сих пор негласный часовой
Его аллей Вы. Сидя на скамейке,
Киваете прохожим головой,
Идущим в гости к сказочной семейке.

Века сплелись в одну тугую нить,
Но впереди, как прежде, Ваше зная!
Не зная, чем же Вас благодарить,
Поэты Вам несут стихи на память.

ТРУДОТЕРАПИЯ

Человек плетёт корзинки –
Не от скуки, не для денег.
Человек плетёт корзинки –
Занимает руки делом.

Из газеты крутит трубки,
И в работе монотонной,
Словно капитан из рубки,
Управляет обороной:

Гонит прочь дурные думы,
Раздраженье и досаду,
Оговорные курумы,
Изощрённую неправду.

В горизонта смотрит просинь...
А корзинки, бледно-наги,
Сушит, красит. Лак наносит,
Защищая их от влаги.

И глаза его светлеют,
Будто снова штиль на море.
И мечты, как чайки, реют
На сияющем просторе.

СЕРАЯ МЫШКА

Посмотришь – увидишь обычную мышку,
Что тихо читает раскрытую книжку.

Ей ветер дыханьем страницы листает.
Он рядышком с нею всегда обитает.

Лишь эту прочтут – за другую возьмутся.
И вместе страдают, и вместе смеются.

Никем не замечены в мире огромном,
В своём любопытстве дрожат неуёмном –

И роли в сюжетах себе выбирают.
Рождаются, любят, грустят, умирают,

Решают проблемы, свершают ошибки.
Всё это серьёзно, без тени улыбки.

В героях своё воплощенье находят.
И в мире, придуманном автором, бродят.

...Но – вот! – горизонт озаряется ярко.
Выходит сперва золотистая арка.

За ней поднимается солнечный диск –
И мышь издаёт победительный писк,

Поскольку становится шёрстка блестящей –
Тогда только видишь её настоящей.

Не внешность – душа у неё золотится.
Не всякий, кто сер, так способен искриться.

И лишь перед ветром, что с ней обитает,
Она ослепительно ярко сверкает.

Пусть кто-то в сомнении вздёрнет плечами,
Для ветра – прекрасна она и ночами.

— Ну что он нашёл в ней? – красавица злится.
— За что её любит? Ведь он же – как птица –

Повсюду летает, и выбор огромен!
А он ей послушен, и ласков, и скромен...

И ей объяснять невозможно, не нужно:
Прекрасна бывает не только наружность.

РУСАЛКА

Когда-то была полноводней река,
И плавать в ней было вольнее.
Теперь я на отмели грею бока,
Любуясь луною над нею.
Гудит от машин проезжающих мост,
И ночью не зная покоя.
Сменить бы на ноги блестящий свой хвост,
Сбежать бы! Но что-то такое —
Тягучее, словно белёсый туман,
Меня не пускает отсюда.
Ведь это мой дом, не сойду ль я с ума,
Когда вспоминать его буду?
Ажурные ветви над самой водой,
Звонящее звездами небо,
Себя на мосту в жизни призрачной той,
В момент превратившейся в небыль.
Вернуться? Зачем? Стал чужим для меня
Тот мир, я давно уж другая.
Не только на теле — на сердце броня,
Не мерзну и в холод нагая.
А там — снова муки, и страх, и тоска!
То жар, то озноб, злые люди...
Так ласкова, гостеприимна река —
Не врёт, не терзает, не судит!

Смотрю на дождь с шестого этажа.
В прозрачной кружке чай янтарно весел.
А ветер небо тучами завесил,
И капли совершают антраша,
Сквозь сетку попадая в кипяток.
Не ведая, что мне того и надо.
Я с наслажденьем делаю глоток,
И балуюсь немецким шоколадом:

Остались «Снеговик» и «Дед Мороз» –
Хотя скорей, наверно, «Санта Клаус».
Любуясь ими, хищно улыбаюсь.
«Ну как их есть?!» – теперь уж не вопрос.
А в Новый год был ими полон шар!
Он провисел до лета, всё жалела.
А тут совпало: ливень, в кружке пар,
И так я шоколада захотела!

А дождь шумел, шумел и перестал.
И горизонт расчищен, будто кто-то
Могучий занялся своей работой,
Да, тучи подымая, подустал...
И розово сияет полоса
Над городом, и чётки силуэты
Высоток за рекою... А гроза
Ещё ворчит вдали под вспышки света.

РОЛИ СЫГРАНЫ

Листья в луже под водой –
Вот и декорации.
Осень дарит нам с тобой
Поздние овации.

Роли сыграны, и здесь
Больше делать нечего.
Ты с собой уносишь спесь,
Я – свою доверчивость.

Не о чем пенять судьбе
Парню с красной девицей.
И не мне, и не тебе:
Прошрое не делится.

ПОЭЗИЯ

Поэзия, что можешь дать?
Шанс посмотреть на мир иначе?
Боль от потери залатать?
Найти решение задачи?
Зачем так мучаешь меня?
Зачем тебе всегда я рада?
Да так, что без тебя и дня,
И ночи нет? Иль это правда –
Неизлечимая болезнь?

Но отчего тогда так сладко,
И льется ввысь восторга песнь,
И слезы счастья, как загадка?

Ты – стан для семи неговорчивых нот:
Надёжна и неоспорима.
И груз бесконечных проблем и забот
Несёшь с теплотою Гольфстрима.

На улице солнце и праздничный день,
А дел – неподъёмная ноша.
Давно уж пробор у тебя поредел,
И стала морщинистой кожа.

И если себе хоть чуть-чуть дорога,
Оставь ненадолго тревоги.
Возьми свою жизнь, как быка – за рога,
А если не можешь – за ноги!

И чтоб, как берёзы израненной сок,
По капле не вытекло счастье,
Плесни себя, словно волну – на песок,
И слейся с природой отчасти:

Как нотные линии с нотным листом,
Почувствуй надёжность опоры!
Но шепчет она: «Вот закончу, потом...»,
Напрасны мои уговоры.

* * *

Когда наставник дельный даст совет,
Киваю, благодарно принимая.
Не говорите: самомнения нет.
Решаю я сама, ему внимая.

Порою вещь смеётся на виду,
А в поисках весь дом перелопачен.
И если мне пропажу подадут,
Скажу: спасибо – можно ли иначе?

* * *

Учителя живут в учениках.
Всё то, чему когда-то нас учили,
Скрижалями останется в веках,
Чтоб нам творить, когда они почили.

И памятна мельчайшая деталь,
И каждое значительнее слово,
Когда учителя уходят в даль,
В своих учениках рождаясь снова!

В МАСТЕРСКОЙ У ХУДОЖНИКА

М.С.Решетнёву

В мастерской у художника климат особый:
Пахнет краской, олифой, древесной трухой.
И висят на стене, презентуясь, особы:
Президент, и поэт, и красавец лихой.
Смотрит томно прелестница, дремлют пейзажи,
И на полках томится несчётно картин –
То богатство, которое за годы нажил,
И которое людям стремится нести.
Он разводит руками, глядит сокрушённо,
Но последнее – то, что вчера рисовал,
Достаёт показать, вдохновения полный:
— Это – новое!
И обжигают слова:
На картине – весенняя тихая Снежеть.
Лёд растаял. Прозрачна, струится вода,
Обдавая печалью и влагою свежей. –
То, что было вчера, здесь теперь навсегда:
Снег оставил едва различимые пятна –
Ноздреватые шкурки ушедшей зимы.
Небеса глубиною трезвонят набатно.
Шелестит на ветру прошлогодний камыш.
...И охвачены мы молчаливым согласьем,
Друг за дружкой вторя одно: красота.
Ведь рисует художник во многообразье
Дорогие и близкие сердцу места.

Ничего ты мне не должен,
Не пытайся делать вид.
Я же вижу: насторожен,
Будто бы в пружинку свит.
И на просьбы соглашаясь,
Ищешь повод улизнуть.
Мне – потеря не большая,
И доходы не в казну.

Не держу, как птицу, в клетке,
Лишь держусь тебя, чужак.
Доморощенной эстетке,
Ты мне дорог просто так –
Глаз есенинских туманом,
Слитком выверенных слов.
Улетай, любви подранок,
Отпускаю свой улов.

* * *

Мой враг не смотрит на меня – мне и не надо.
Хрупка из воздуха броня пред этим взглядом.
Он обжигает и колюч, и неприязнен,
И обвивает, словно плющ, и душу дразнит.

А я забыла, я врага давно простила!
Но нет... простила бы – наверно, не грустила,
И не молчала при случайном столкновенье.
Эх, загустела моя ненависть вареньем.

Она на лоджии стоит в закрытой банке.
Её бы выкинуть давно – списать все танки.
Но слишком памятливы былой войны игрушки.
Лишь встречу острый взгляд –
и ушки на макушке...

Зачем обиду я храню – сама не знаю.
Переварить её да съесть – мечта шальная.
Но так воротит от неё – не та улада.
Мой враг не смотрит на меня, а я и рада.

ПЁС

Я иду по мосту – он бежит под мостом,
И от радости так мельтешит он хвостом,
Как бегущий по ниточке дальний запал:
Будет встреча, как взрыв – так спешит шантрапа,
Я не вижу к кому – я могу лишь гадать.
Но такую несет он в себе благодать,
Словно мир повернулся другой стороной,
И уже не играет – танцует со мной.

КОГДА СЛОВА ВАЖНЫ

Замкнул уста, боясь произнести
Незначимое слово просторечно.
А мысль зажата бабочкой в горсти,
А семечко засыпано навечно.

От ужаса чудовище родить,
Остались нерождёнными герои.
И страшно сбиться с верного пути,
И солнца не увидеть за горою...

Не бойся быть наивным и смешным,
Казаться глупым или сумасшедшим,
И не молчи, когда слова важны,
И просятся в уста, с небес сошедши.

БЫТЬ СВОЕЮ

Просыпаться под крики чаек...
И на острове Декабристов,
В Петербурге, за чашкой чая,
Быть своею, не из туристов.

Собираться на Сытный рынок?
На Андреевский! Он же ближе.
Прохудился один ботинок.
Кошка мокрую лапу лижет.

Вымывает меня... Поглажу,
Убегая... Большие планы –
Неустроенный быт наладить.
Это радостно мне, и странно.

Понимаю, попавши в сети
Суеты, что не просто зритель.
Пару суток – десятилетий? –
Этот город — моя обитель.

Знаю, где мне найти аптеку,
Магазины продуктов... только
Вновь иду посмотреть на реку,
За щекой – мандарина долька.

Грустно мне, что мой день не долог,
Но и с этим могу смириться.
...Сизых туч надо мною полог,
Словно крылья огромной птицы.

* * *

Спокоен купеческий град Волочёк.
Замёрзли речные каналы.
Прилёг снеговик на скамье на бочок,
Скрывая снежков арсеналы.

Рассеянный свет от ночных фонарей.
И горка блестит на морозе.
И слышатся детские крики:
– Скорей! –
И смех, и шуршанье полозьев.

Салютно искритя пушистейший мех,
Окутавший землю и крыши.
Восторга и счастья здесь хватит для всех.
– Ну дай прокачусь, погоди же!

Жжёт нежная, благоговейная грусть
Пред вольным, доступным, забытым.
И что там за век на дворе, не берусь
Назвать, очертанья размыты...

* * *

Я себе напридумаю всякого,
И опять от тебя убогу.
Будеши малою птахою, зябликом
На ознобшем речном берегу
Перепархивать с ветки на веточку
(от меня ни пера, ни гнезда),
И шептать: что ж ты делаешь, деточка,
Я могу разлюбить навсегда.
Разлюбить, и в любви разувериться...
Не пугай меня, это – обман!
— Ну куда от меня она денется?
А в ответ тебе — стылый туман.
Он вздыхает, взбухает и манией
Неизвестности давит и жжёт.
Не решай за меня все заранее!
Убежала, и мне хорошо.
Если любишь — поймешь, даже мучаясь
Тихим всплеском в тумане весла,
Что, сбежав, не искала я лучшего:
Часть тебя я с собой унесла.

В ПИТЕРЕ — СНЕГ

А в Питере – снег, влажный ветер толкает в плечи,
И бьёт по лицу наотмашь, дыханьем стыл.
Ещё так недавно казался спокойным вечер
С домашним теплом и уютом его простым.

Позёмкою снег бросается под колёса,
И сводят с ума развязки ночных дорог.
В такую погоду собака не кажет носа.
За что же меня, как блудницу, он выгнать смог?

Вчера весь светился, обхаживал, словно гостью.
Пожалуйста – шоу, театр, аквапарк, музей...
Как стала я в горле застрявшею рыбной костью?
Когда он успел исключить из своих друзей?

Ведь я не нарочно неделю о нём ни слова.
Ах, самовлюблённый, напыщенный дуралей!
Что, мало ему Достоевского и Толстого,
И лестный экспромт на ходу для него милей?

Как давят громадные серые стены-скалы!
И нет больше сил оставаться в его плену,
Где грозно зияют у множества львов оскалы,
Где даже молчание ставит он мне в вину.

Забуду потом эту боль от пощёчин хлёстких,
Промозглую одурь взбешённого гордеца...
Просить о любви его – это игра в напёрстки.
Прекрасного в гневе, не мне его порицать.

В КРАСНОГОРСКОЙ УСАДЬБЕ

1.

В Красногорской усадьбе
И воздух отраден,
И тайна в окрестных лесах.
Стелют сосны и ели
Из хвои постели,
А маковки их в небесах!

Притв:

Красный Рог – приют поэта.
Здесь простор и много света.
Ходит-бродит невесомый
Непослушный ветерок.
И деревья окружают.
И открыта даль большая.
И ласкает слух
 знакомый нам
Рефрен из нежных строк.

2.

Здесь и вольно и тихо,
И прячет зайчиха
Зайчат под ольховым кустом.

А лазурный цветочек –
Лесной колокольчик –
Грустит и поёт о Толстом.

Привет.

3.

Он хотел быть поэтом,
И солнечным летом
Искал вдохновенья в саду –
В край, где жил так беспечно,
Влюблённый навечно,
В родную его красоту.

Привет.

НА СТАРОМ КЛАДБИЩЕ

Разъехались по разным городам
За лучшей долей, как за синей птицей.
И только раз в году придём сюда,
Чтоб на родных могилах помолиться.

Расскажем о себе, как на духу,
Всё тайное, но больше о хорошем.
Смешно, пожалуй, слушать чепуху.
Что им перипетий земная ноша?

Всё это – понимаем – нужно нам:
Цветов обилье, видимый порядок.
Как будто жжёт подспудная вина
Нечаянного с родиной разлада.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФОНАРЯХ

ПЕССИМИСТИЧЕСКОЕ

Много лет возвращаюсь стезёю одной,
И фонарь у забора стоит много лет.
Как же он до сих пор не замечен был мной?
И дарил ли он мне свой рассеянный свет?

Незаметные люди, как мышки, спуют –
Тихо-тихо, ничем не бросаясь в глаза.
В их домах свой отдельный покой и уют,
Даже если за окнами дождь и гроза.

Хата с краю, и знать ничего не хотят.
Жизнь одна, так зачем её ставить на кон?
Потому-то порой фонари не горят,
Что освоили этот нехитрый закон.

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Много лет возвращаюсь стезёю одной,
И фонарь у забора стоит много лет.

Как же он до сих пор не замечен был мной,
Хоть не раз мне дарил свой рассеянный свет?

Он горит, свою малую пользу неся,
Не бросаясь в глаза, освещая мой путь.

И распахнута миру душа его вся,
В час, когда безнадёжно дожди моросят,

И когда темнота наступает, грозя,
Помогая надежду в спасенье вернуть.

УХОДЯЩЕМУ ГОДУ

Иди же, старый, сядь, поговорим.
Не будем о плохом (его изрядно).
Сегодня ты пришёл, и я нарядна,
На люстре восемь лампочек горит.

Ты – мудрый, дед, и знаешь в жизни прок.
Давай с тобою вспомним под часами
Испанию, Рязань – грибы с глазами,
Покровское, Ростов и Таганрог!

Закусим дружно: есть и пироги,
И красная икра, салат и мясо –
Богатство вкусов, изобилье красок.
Ну что же ты торопишься? Беги!

Тебе ко многим нужно заглянуть...
Я... как-нибудь сама. Мне есть с кем выпить.
На улице морозно, снег на липе,
Искрятся звезды... но не в этом суть.

Я чувствую, что больше не придёшь,
Ведь слышишь: молодой стучится в двери.
Ах, я ему пока ещё не верю:
Рябит в глазах от праздничных одёжь.

– Прощай! Тебе не вспомню я невзгод.
...Кивнул в дверях преемнику, как другу,
Чтоб не глядела вслед, свернул за угол,
И скрылся в полночь уходящий год...

ШКОЛЬНЫЙ БИБЛИОТЕКАРЬ

Школьный библиотекарь
Часто живёт скромно.
Школьный библиотекарь
Книжек таскает тонны.

Спешка, неразбериха,
Маленькая зарплата.
День отработал – лихо,
Будто копал лопатой.

Что его держит в школе,
В библиотечных стенах,
В тесных от книжек «штольнях»,
В бешеных переменах

С шумной толпой подростков,
Всё пред собой крушащих?
Судящих прямо, жёстко?
Пустоголовых, злящих?

Радостных и нелепых,
Умненьких и смышлёных?
Жажущих книг, как хлеба!
Милых, настырных, сонных!

Или работа в радость?
Или она любима?

...Книжная пыль, как напасть,
Просто неистребима.

Но, как фанаты книги,
Проводники учений,
Люди из высшей лиги
Верят в предназначенье.

Здравствуй, читатель-лекарь,
Маленький человечек!
Школьный библиотекарь
Рад с тобой новой встрече!

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Он проснулся от странного шума,
Дверь открыл посмотреть, в чём же дело.
И увидел, как с жаром безумным
Всё огонь охватил оголтелый.
И, семье своей ангел-хранитель,
Пусть и маленький, всё же мужчина,
Стал будить он: родные, бегите
От пожара! И, слушаясь сына,
Мать в окно малышей подавала,
И сама выбиралась за ними.
Хоть, казалось, дышать нечем стало,
Парень скрылся в густеющем дыме.
И сестру в инвалидной коляске,
Что в оконный проём не входила,
Одеялом укутав по-барски,
Сквозь пылающий дом прокатил он.
Обошлось... Вой пожарной машины,
Суета... Но доволен спаситель –
Настоящий защитник, мужчина,
Всей семьи своей ангел-хранитель.

ИЗ ВОЕННЫХ ДНЕВНИКОВ К. СИМОНОВА

Полковник С.Ф.Кутепов

Военный порядок: орудия – и возле них
Тревожно, накрывшись палатками, спали расчёты.
И наш проводник в штаб Кутепова строг был и тих:
Посты пропуска проверяли спокойно и чётко.

Свернули с дороги – и тут же патруль впереди.
И нас под конвоем доставили; вышел навстречу
Полковник Кутепов – высокий худой командир,
И к нам обратился, ругая, с сердитою речью –

О том, что сейчас до рассвета заставит лежать
На голой земле, чтоб не шлялись ночами, как воры;
Что, как диверсантов, он мог бы нас всех задержать.
...Вступил проводник из дивизии в переговоры –

Полковник смягчился, по голосу парня узнал.
Но всё ж документы велел показать нам в землянке.
И корреспондентам, лишённый минутного сна,
С восторгом рассказывал он про подбитые танки;

Про то, как не просто им дух боевой сохранять,
Когда мимо них окруженцы толпой отступают.
Как важно своё назначение в жизни принять,
Чтоб больше не мучила страхом судьбина слепая.

— И разве пехота окопы копает затем,
Чтоб пушечным мясом по полю открытому драпать?
Война без того череда неизбежных потерь.
Но сколько же можно врагам
беспрепятственно хапать?

И если и завтра атаку они повторят,
Отсюда наш полк не отступит! Пора бы поверить:
Фашистские танки взрываются, бьются, горят.
Сегодняшний день подтвержденье тому –
тридцать девять!

...Довольный, смеющийся голос – и сердцу тепло.
И твёрже, и крепче уверенность в нашей победе.
Такими Россия и держится, бедам назло.
С такими и всем окружающим легче на свете!

А он извинился, что должен идти на посты,
Обход для ночного порядка – первейшее дело.
...Был воздух июльский предутренный влажен и стыл.
То слева, то справа – стреляли, и эхо гудело.

Военный фотокор П.А. Трошкин

Передний край вблизи лесной опушки,
Густой и низкорослой. Дальше – рожь,
И лес большой, где немцы. Слева – пустошь,
Железная дорога... Ну так что ж –
Что немцы? Подпоясан португеей
Для фото батальонный командир!
Настаивает Трошкин, не робея,

Что танки надо снять! Готов идти,
Хоть под обстрелом, сделать снимок редкий
Для панорамы – так газеты ждут!
И вот людей прислали из разведки,
И Трошкина – фотографа – ведут.

А он и рад, отчаянный служака,
Показывать народу: враг разбит.
И не сегодня-завтра будет драка,
Нас никогда никто не победит!
И, обнаглев, ведь выстрелов не слышно,
Найдя у танка позабытый флаг,
Красноармейцев он загнал на крышу,
Запечатлев и этак их, и так!
И возле развороченного танка
Свалившуюся штуку полотна,
И лодочки, блестящие от лака,
Чтоб мародёров суть была видна.

Когда наш Трошкин снял другую группу
Подбитых танков (превосходный вид!),
Обиженно, сконфуженно и глупо
Над ним кружился долго «мессершмитт».
Да, глупо: хоть фотограф обнаружен,
Он – под защитой вражеской брони –
Лежит... и керосин ему не нужен,
Да и земля родимая хранит.
... А после – разворот на все «Известия»:
Подбитых вражьих танков жалкий вид –
Пример живой фашистского бесчестия,
И веры, что народ наш победит!

Отступление

В тяжёлые дни отступлений,
Когда бы пришлось выбирать,
Я выбрал бы поле сражений,
Я выбрал бы насмерть стоять.

Врастал бы, как дерево корнями,
Крепил свой последний плацдарм,
И стал бы зарубкой на память
Зарвавшимся подлым скотам...

Нет хуже: слоняться без боя,
Идти неизвестно куда,
И быть недовольным собою,
Сдавая свои города,

Деревни, отдельные хаты,
Где бабушки, живы пока,
Вздыхают: «Куда вы, ребята?..»,
Жалея, несут молока.

И так отвратительно, грязно
В душе, что нет силы терпеть –
Идти в отступление праздно...
Нет, лучше в бою умереть!

Пленные фашисты (июль 1941 года)

Те, первые, были упрямы до наглости,
И принимать не хотели к зачёту,
Что можно быть мягким с врагом – не от слабости,
Доброжелательным – не по расчёту.

И так показушно считали случайностью,
Хоть и обидной, своё заключение,
Что врезать хотелось им с детской крайностью
За жесткосердное предубежденье.

За то, что твердили: лишь месяц – не более –
Им до победы над нашей страной.
За то, что убийц очень нравились роли им,
И не томилось сознание виною...

ДРУЗЬЯ ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ

Вместо предисловия...

Никакой неясности у названья нет.
Красный – цвет опасности. Яркий, сочный цвет.
Привлекать внимание предназначен он.
Пробуждать сознание, разгоняя сон.
...К видам исчезающим надо быть добрей.
Скачущим, летающим как помочь скорей?
Могут стать ведь сказкою и названья их!
Мажу красной краскою каждый этот стих...

Чёрный аист.

Чудо-птицы живут в заповедном лесу:
В красных клювах сучки, землю, глину несут,
И на древнем дубу, на ольхе, на сосне
Правят гнёзда, и новые строят к весне.

Целый месяц, меняясь, на кладке сидят.
За птенцами заботливо, дружно следят,
Охраняют своих малышей от врагов.
А в прозрачной воде у речных берегов

Ловят рыбу, любимую пищу свою;
Им ручьи свои нежные песни поют,
Хладной влагою длинные ноги обдав;
Им в раздольных лугах есть добыча всегда.

Год за годом они возвращаются в дом,
И выводят птенцов, и потомство потом,
Вслед за ними – с зимовок – гнездится летит
В старый лес – в лес, который всегда защитит.

Старый лес – верный друг, а совсем не каприз!
...В небе аист парит – тёмный верх, белый низ.
Удивляясь, любимся мы на красу:
Чёрный аист живёт в заповедном лесу.

Камышовый кот

Кот камышовый, гуляющий сам по себе,
Старый вояка, скрывающий шрамы под шёрсткой,
Глупую птичку – певунью он ловит в обед,
С крысой огромной, рыча, расправляется жёстко.

Острые длинные когти в подушечки лап,
Мягко, неслышно ступающих, прячет умело.
Но чужака с территории гонит в нахрап,
Как бы не ныло устало кошачье тело.

Прячась от волка и рыси среди тростника,
Знает, что этих врагов поопаснее – люди.
И потому с осторожностью, издалека
Смотрит на них, на глаза попадаться не будет.

Он замечает, что общего много у них:
Эти двуногие любят озера и речки.
Так же порой у воды замирают они –
Ловят рыбёшку иль смотрят на звёздные свечки.

В красную книгу, он слышал, его занесли,
Вывели чаузи – помесь с домашнею кошкой.
Как бы там ни было, в силе родимой земли
Он еще черпает собственной силы немножко.

Это котёнка слепого дурачь и учи,
Но не того, кто и лиха хлебнул, и свободы.
Крепко сжимает зубами добычу в ночи
Гордый хозяин из редкой кошачьей породы.

Гигантская вечерница

Это не просто летучая мышь.
Страшно становится, как поглядишь.
Длинных клыков впечатляет оскал.
Мощное тело, готовность броска.

В дуплах с другими мышами живёт.
Трудно заметить бесшумный полёт.
Миг – и добычу настигнет она.
Тёмная шерстка в ночи не видна.

Бабочек ловит она и жучков,
Способ охоты у мыши таков:
Перед собой она шлёт ультразвук –
Будто бы щупает воздух без рук.

Эхо, не медля, приносит ответ –
Есть ли добыча пред ней или нет,
Есть ли преграды какие в пути.
Зрения лучше в ночи не найти.

Вотчина мыши – поля и луга,
Глади озёр и реки берега,
Где, опускаясь в полёте с небес
Ищет вечерница пищу себе.

Осенью мышь улетает на юг
В стае своих закадычных подруг.
Тайна пока что – куда и зачем.
Мыши не дарят прощальных речей.

Мало их стало – не знаем причин.
Не уследить за полётом в ночи...
Всё, что мы можем – беречь старый лес,
Чтобы их вид до конца не исчез.

О зубрах

В период ещё ледниковый
охотились люди на зубров,
В пещерах осталось немало
наскальных рисунков о том.
...Пасутся быки и коровы –
их радует тихое утро,
Пахучей травы покрывало,
листва в перелеске густом.

Огромные дикие звери,
покрытые бурою шерстью.
На лбу величаво-широком
вперёд выдаются рога.
В глазах – доброта и доверье;
спокойны, и держатся с честью.

Но видом своим ненароком
легко напугают врага.

А наши далёкие предки
в них видели бога подобье
С их мощью, величием, силой,
что землю родную хранят.
И всё ж в поедающих ветки
кидали точёные копыя,
И ямы глубокие рыли,
чтоб зубров ждала западня...

Века миновали... Из ружей
в азарте стреляли без меры.
В запас брали сытное мясо,
и шкуру, и пару рогов...
Охотник о зубрах не тужит,
трофея гордится размером,
А диких быков с каждым разом
всё меньше – зверей и богов...

В начале двадцатого века
все зубры в природе исчезли.
Последнего пуля убила,
и зверь, что известен века,
Погиб от руки человека!
Но всё не потеряно, если
Хоть несколько пар сохранилось
ещё в зоопарках пока.

Вновь зубров становится больше –
мы их охраняем, разводим;

Причислены к редким животным,
они символичны для нас:
Ведь их возвращая и множа,
мы вред возмещаем природе,
Что ей нанесли безотчётно
в тяжёлый для Родины час.

Стерлядь

Я рассказ свой печальный о рыбе веду,
Что попала невольно в разряд «пропаду»,
Хоть и прячется в ямах глубоких зимой...
Нос курносый и узкий, усы с бахромой.

Её длинное тело пластично, стройно.
Ну а вкус осетровых – известно давно –
Самый лучший, такой: просто праздник душе!
Я о стерляди, вы догадались уже.

Ей по нраву житьё возле самого дна,
По характеру скрытна, почти не видна,
Спит в прохладных глубинах, но голод зовёт,
И под вечер она к мелководью плывёт.

Там порою забавно за ней наблюдать,
Как она кверху брюхом, артистке подстать,
Повернётся и ловит в свой рот мошкару
На поверхности вод... Ну а нет, так за труд –

Будет тыкаться в берег, по норкам искать,
Осторожно, стараясь водой не плескать,

Методично исследует все тайнички,
Где живут ей пригодные в пищу жучки.

И опять ускользнёт в свой прохладный приют.
Только вот браконьеры житья не дают.
Да грязнеет вода, да мелеет река.
Стала стерлядь у нас в водоёмах редка.

Как бегут быстротечные воды времён,
Так в природе всё меньше знакомых имён.
И ту стерлядь, что нам в Новый год продают,
Нам давно поставляет искусственный пруд.

Белая кувшинка

На сердечке листа
Безупречна, проста,
В лепестках ослепительно белых,
На стоячей воде,
На озёрной слюде
Распустилась кувшинка несмело.

Летний полдень лучист!
И случайный турист
Заплывёт и сюда, может статься.
А соблазн так велик
Водной лилии лик
Взять с собой, чтобы им любоваться!

Кто так будет жесток?
Краснокнижный цветок
Не срывайте, смеясь и плеская:

Убивает шутя
Водоёма дитя
Неуёмная жадность людская.

Сапсан

Сапсан – это хищная птица,
В пике моментально ложится,
И в скорости с ней не сравнится
Никто на планете Земля.
Сапсан приспособлен к охоте:
Клюв загнут, готовый к работе,
И острые длинные когти
Готовы добычу цеплять.

В обрывах он селится горных,
На склонах увалов зелёных,
И крышах высоток бетонных,
Где можно устроить гнездо.
Чтоб, верный сапсанихе милой,
Со зрением цепким и силой,
Добычу птенцам приносил он,
Цена для обзора простор.

Как это в сапсановом стиле:
Сложив серповидные крылья,
Добычу пронзая навывлет,
Стрелой прочертить небеса!
Звучит похвалой для пилота
Сравнение с сапсаном полёта,
И «скорый» до Питера (гордо!)
Не зря называют «Сапсан».

Чилим

На Лучанском затоне мелеет Десна.
Сильным ветром повалена на бок сосна.
Но звучат в тишине разговоры и смех.
И теченьем на берег выносит орех.

Он в колючках, тот странный орех водяной –
Осторожно идёт мой ребёнок за мной.
А рогульник топорщит две пары рогов,
Защищая, как может, себя от врагов.

Его листья резные повсюду в воде,
В них затон, словно в ткань кружевную, одет.
Значит, речка чиста! Так разросся чилим,
Что сливается с берегом, неотделим.

Этот древний орех может долго проспать,
Он взойдёт через год, через два, через пять,
Может он пролежать этак лет пятьдесят,
И ни есть, и ни пить для себя не прося.

Но тогда почему же при этом при всём
К исчезающим видам чилим отнесён?
За целебность ореху – печальный почёт:
В сердце, жадном к наживе – холодный расчёт...

Уколотся сынок – кровоточит нога.
Эх, чилим, ну зачем ты подставил рога?
– По привычке! Чтоб новое место найти,
Я цепляюсь ко всем и теряюсь в пути...

На резиновой лодке в чилиме плывём.
Украшают кувшинки лесной водоём –
Наш Лучанский затон, наш семейный магнит.
Сколько тайн заповедных в себе он хранит!

Рысь

Гуляю по лесу, грибы собираю,
И голову вверх иногда задираю:
Мне чудится рысь, что за мной наблюдает,
Мне мнится, она на меня нападает.

Я знаю, что эта пушистая кошка
В природе относится к людям сторожко,
Что слышит движение за километры,
И запах, коль дуют попутные ветры.

И всё же мне страшно, и как-то неловко:
Стремительна кошек в охоте сноровка,
И любят они поиграть между делом,
А я б их игрушкой быть не хотела!

Высокие лапы их, словно пружины,
Возносят владельцев своих до вершины.
Окинет окрестности рысь острым взором,
Пронзающим – будто пройдёт с дозором,

И спустится вниз, и засядет в засаду,
И будет таиться там сутками кряду.
В мгновение ока готова к охоте,
И может поймать даже птицу в полёте!

Мех рыси густой серо-белый и рыжий,
Весь в пятнышках тёмных. А лучше чтоб слышать,
Венчают ей чёрные кисточки уши;
А хвост для баланса ей длинный не нужен –

Поэтому носит короткий обрубок,
Но всё же он мил, и не смотрится грубо.
Ещё бакенбарды её украшают.
Да, рысь – это кошка, но очень большая!

Ей надо охотиться в силу привычки,
Пусть даже сыта, она делает нычки –
Укроет листвой, или в снег закопает,
А нет – всё оставит лесным шалопаям:

Воронам, лисице, хорьку – всем, кто хочет:
Рысь – щедрая кошка!.. Бросок её точен.
Преследовать долго вдогонку не станет,
Коль сразу не вышло – беги, до свиданья!

При встрече сородичи мордами трутся,
Приподняты с грацией хвостики куцы.
Подружат немного, и вновь – одиночки,
Лишь с мамой до срока сыночки и дочки.

Я верю в примету, которая значит:
Что встретиться с рысью – предвестье удачи.
Но прячется дикая кошка прекрасно,
Ведь люди и сами для рыси – опасность.

Орланы-белохвосты

Он рос один, без братьев и сестёр,
В гнезде огромном на сосне высокой.
Дремучий лес владенья распростёр
До берега реки. Сияло око
Небесное. Орлан-птенец выросел –
И пух темнел, и появлялись перья;
Добытое родителями ел,
И в незнакомый мир глядел с доверьем.

Он вскоре научился сам летать,
Охотиться – пикируя, в полёте,
Из-за куста ольхи (волкам под стать),
И на воде, хватая рыбу в когти.
Лишь пару лет от клюва до хвоста
Был бурым, путешествовал по свету;
С годами проявилась пестрота,
Светлела голова, и белым цветом
Окрашивался клиновидный хвост;
На пятый год нашёл себе подругу –
Крупней себя, своей семьи форпост.
Они теперь помощники друг другу.

Совместно выбрав место для гнезда,
Таскали ветки, строили, крепили.
Ну вот и сам родителем он стал,
И двух своих птенцов они взрастили.
И так бы повторялось вновь и вновь,
Но птичий дом разрушили машины:
И запеклась смола – лесная кровь,
Рассыпалось гнездо, упав с вершины.

А пара белохвостов – крупных птиц
Семейства ястребиных – покружилась
Над корабельным лесом, павшим ниц
Перед людьми, и вида утрастилась.

И где теперь гнездо они совьют?
Хоть мир велик, леса стоят не всюду.
Но пусть они найдут себе приют,
Должно же быть на свете место чуду.
...Шубка у хохули очень дорогая.

Соня-полчок

Ночью, лишь солнце прикроет зрачок,
Выйдет позавтракать соня-полчок.
Кушать орешки, плоды, семена,
Ягоды разные любит она.

Долго поспать эта соня – мастак.
Влезет в дупло, меж камней, на чердак,
В щёлку, где места – и пальца не сунь,
И отдохнёт... с октября по июнь.

Соня-полчок всех крупнее из сонь,
Хоть уместится она на ладонь.
Есть у полчков свой особый дресс-код:
Серая спинка и белый живот,

Белая грудка парадно чиста,
И в довершенье – нарядность хвоста:
Длинный, пушистый – у белки взяла!
Просто красавица! Чудо – мила!

Острая мордочка, круглые уши.
Бусинки глаз любопытных наружу.
Скачет всю ночь непоседа-зверёк,
Местность исследуя вдоль-поперёк.

Видно заботу природы о ней:
Ночи длиннее – и соня жирней.
Только, закон у природы таков,
Много у сони опасных врагов.

Рыси и лисы, хорьки и куницы
Вовсе не против зверьком поживиться...
Будь осторожнее, соня-полчок:
Детки в дупле, но об этом – молчок!

Лилия Глена

На Кунашире и на Сахалине
(А также на Хонсю и Хоккайдо),
Ты можешь стать свидетелем картины,
Которой будешь хвастаться потом.

Цветение реликта – лилий Глена –
Кого угодно может потрясти.
В них то хотя бы необыкновенно,
Что могут и тебя перерастить.

Стремятся ввысь до двух порою метров
Их полые и сочные стволы.
Сердечки-листья колыхают ветры,
Бутоны лилий кремово-белы.

Цветков в соцветье более десятка
Приятный источают аромат.
Лишь в жизни раз дано цвести им кратко
И украшать собою лес и сад.

...А местным на Курилах не понятно,
Зачем цветок, заполонивший всё,
Вдруг охранять? Растёт себе, и ладно!
С чего он к редким видам отнесён?!

По берегам ручьёв и рек степенных,
Среди высокотравья всей страны,
Ты не найдёшь кардиокринум Глена,
А дома – и морозы не страшны.

Лис Патрикей

За длинную рыжую мягкую шёрстку
И хвостик пушистый «а ля воротник»
Лисиц истребляют охотники жёстко –
Вопрос об охране зверюшки возник.

Но в «Брянском лесу» – в заповеднике брянском –
Живёт припеваючи лис Патрикей.
Он к людям выходит в нарядном убранстве,
Без страха, еще не напуган никем.

Он мордочкой лезет в открытые двери
Оставленных возле дороги машин.
И к людям пока что исполнен доверья,
И все угощенья ему хороши:

Утащит порою ботинок из кожи,
Съестное, которое плохо лежит.
Он хитрый воришка, и всё же хороший,
Вольготно ему в заповеднике жить.

Порой пропадает надолго пройдоха –
Уходит смотреть на иные края.
Но вновь возвращается – видно, там плохо,
И шёрсткой мелькает в лесу, как маяк.

...Живите, забавные дикие звери!
Растите спокойно своих малышей!
Здесь вы под защитой, и можете верить:
Отсюда охотников гонят взашей!

Русская выхухоль

Высунула носик любопытно-грустный
Выхухоль – хохуля, прозванная русской.
Сослепу не видит, что туристы рядом.
Подплывает близко, а они и рады.

Подышав, хохуля занырнула в норку.
И вода над нею затянула штормку:
Вы уж извините, гости дорогие,
Выхухоль не знает, что вы не враги ей.

Предки её жили и при динозаврах.
Ели вкусных устриц и жучков на завтрак.
Зубками ракушки грызли то и дело.
Мех густой с подшёрстком защищал им тело.

Только ей, бедняжке, не дана другая.
Много истребили маленьких собратьев.
Спохватились люди, надо охранять их.

Под водой хохуля в скорости поспорит,
Но, попавши в сети, задохнётся вскоре,
Ведь она не рыба, и в воде не дышит.
Дайте шанс зверушке на планете выжить –

Берегите реки, сети уберите!
...Над водой склонился одинокий зритель.
Не видна хохуля, спряталась надёжно:
Чуток слух зверюшки, очень осторожна.
Носик-хоботочек движется забавно:
— Отсижусь, ребята, и без вас тут славно!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ангел-хранитель.....	87
А сердце все глуше.....	56
Апельсиновой долькой.....	12
Белая кувшинка.....	99–100
Быть своею.....	74
В Брянском парке.....	23
В. Д. Динабургскому.....	60
В Питере – снег.....	78
Вдали горят огни материка.....	14
Верхний Судок.....	38–39
ВКраснорогскойусадьбе.....	79–80
В мастерской у художника.....	70
Военный фотокор П.А.Трошкин.....	89
Волос сед и голос груб.....	33
В Русском музее.....	19
В Трубчевск.....	13
Всё кажется, есть ещё время.....	7
Выходные в Москве.....	10–11
Гигантскаявечерница.....	95–96
Два взгляда на «Танец» Матисса.....	20
День города.....	24–25
Загадочный лис.....	47
Защитник.....	36
Камышовый кот.....	94–95
Когда наставник дельный даст совет.....	69

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Когда слова важны.....	73
Кувыркалась по лестнице.....	27
Лесная делянка.....	52
Лилия Глена.....	106-107
Лис Патрикей.....	107-108
Лыжня пересекала березняк.....	35
Майорка.....	29-30
Маленькие помощники.....	46
Маленький город.....	3
Матьсолдата.....	42-43
Мой враг не смотрит на меня.....	72
Мой дядя.....	37
На Питерской крыше.....	18
На побережье смоем след волна.....	50
На старом кладбище.....	81
На улице детства.....	16-17
Не возвращайтесь.....	5
Непоседа.....	26
Ничего ведь не изменится.....	34
Ничего не исправить.....	6
Ничего ты мне не должен.....	71
О зубрах.....	96-98
Обнял плечи поздний вечер.....	21-22
Однажды душа, словно птица.....	55
Оптимистическое.....	83
Орланы-белохвосты.....	104-105

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Отступление.....	91
Пельмени.....	45
Первая победа.....	57
Пёс.....	73
Пессимистическое.....	82
Пленные фашисты (июль 1941 года).....	92
Повзрослела весна.....	54
По времени года.....	75
Под Чёрным мостом.....	53
Полковник С.Ф.Кутепов.....	88
Поэзия.....	67
Правда.....	8
Роли сыграны.....	66
Русалка.....	64
Русская выхухоль.....	108–109
Рысь.....	102–103
Сапсан.....	100
Серая мышка.....	62–63
Смотрю на дождь с шестого этажа.....	65
Соня-полчок.....	105–106
Спокоен купеческий град Волочѣк.....	76
Спросить бы, какую ты болен любовью.....	48
Старая подруга.....	28
Старик молился в церкви.....	44
Старые качели.....	4
Стерлядь.....	98–99

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Стихи Есенина.....	58-59
«Тайный советник фон Гёте».....	15
Тост за дружбу.....	9
Трубчевский парк.....	40-41
Трудотерапия.....	61
Ты – стан для семи несговорчивых нот.....	68
У одной – уехал сын в Израиль.....	31
Уходя – уходи.....	49
Уходящему году.....	84
Учителя живут в учениках.....	69
Чёрный аист.....	93-94
Чилим.....	101-102
Что ей не спится бешеной.....	51
Школьный библиотекарь.....	85-86
Шла женщина с тяжёлыми глазами.....	32
Я себе придумаю всякого.....	77

СОДЕРЖАНИЕ

Маленький город.....	3
Старые качели.....	4
Не возвращайтесь.....	5
Ничего не исправить.....	6
Всё кажется, есть ещё время.....	7
Правда.....	8
Тост за дружбу.....	9
Выходные в Москве.....	10–11
Апельсиновой долькой.....	12
В Трубчевск.....	13
Вдали горят огни материка.....	14
«Тайный советник фон Гёте».....	15
На улице детства.....	16–17
На Питерской крыше.....	18
В Русском музее.....	19
Два взгляда на «Танец» Матисса.....	20
Обнял плечи поздний вечер.....	21–22
В Брянском парке.....	23
День города.....	24–25
Непоседа.....	26
Кувыркалась по лестнице.....	27
Старая подруга.....	28
Майорка.....	29–30
У одной – уехал сын в Израиль.....	31
Шла женщина с тяжёлыми глазами.....	32
Волос сед и голос груб.....	33

СОДЕРЖАНИЕ

Ничего ведь не изменится.....	34
Лыжня пересекала березняк.....	35
Защитник.....	36
Мой дядя.....	37
Верхний Судок.....	38-39
Трубчевский парк.....	40-41
Мать солдата.....	42-43
Старик молился в церкви.....	44
Пельмени.....	45
Маленькие помощники.....	46
Загадочный лис.....	47
Спросить бы, какую ты болен любовью.....	48
Уходя – уходи.....	49
На побережье смоем след волна.....	50
Что ей не спится бешеной.....	51
Лесная делянка.....	52
Под Чёрным мостом.....	53
Повзрослела весна.....	54
Однажды душа, словно птица.....	55
А сердце все глуше.....	56
Первая победа.....	57
Стихи Есенина.....	58-59
В.Д.Динабургскому.....	60
Трудотерапия.....	61
Серая мышка.....	62-63
Русалка.....	64

СОДЕРЖАНИЕ

Смотрю на дождь с шестого этажа.....	65
Роли сыграны.....	66
Поэзия.....	67
Ты – стан для семи неговорчивых нот.....	68
Когда наставник дельный даст совет.....	69
Учителя живут в учениках.....	69
В мастерской у художника.....	70
Ничего ты мне не должен.....	71
Мой враг не смотрит на меня.....	72
Пёс.....	73
Когда слова важны.....	73
Быть своею.....	74
По времени года.....	75
Спокоен купеческий град Волочёк.....	76
Я себе напридумую всякого.....	77
В Питере – снег.....	78
В Краснорогской усадьбе.....	79-80
На старом кладбище.....	81
Пессимистическое.....	82
Оптимистическое.....	83
Уходящему году.....	84
Школьный библиотекарь.....	85-86
Ангел-хранитель.....	87
Полковник С.Ф.Кутепов.....	88
Военный фотокор П.А.Трошкин.....	89
Отступление.....	91

СОДЕРЖАНИЕ

Пленные фашисты (июль 1941 года).....	92
Чёрный аист.....	93-94
Камышовый кот.....	94-95
Гигантская вечерница.....	95-96
О зубрах.....	96-98
Стерлядь.....	98-99
Белая кувшинка.....	99-100
Сапсан.....	100
Чилим.....	101-102
Рысь.....	102-103
Орланы-белохвосты.....	104-105
Соня-полчок.....	105-106
Лилия Глена.....	106-107
Лис Патрикей.....	107-108
Русская выхухоль.....	108-109
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	110-113

Ольга Анатольевна
Шаблакова

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

Поэтический сборник

Оформление и дизайн обложки:

БОРИСОВА
Алина Андреевна